

«Дети оккупации»

История Элеоноры Дюпуи из Австрии, которая 30 лет пытается найти своего папу-красноармейца

Элеонора Дюпуи. Фото: Надежда Андреева

11:18, 22 августа 2025,

Надежда Андреева

собкор по Саратовской области

Уроженка австрийского города Санкт-Пёльтен Элеонора Дюпуи уже 30 лет ищет информацию о своем отце — военном служащем Красной армии, который 80 лет назад участвовал в освобождении Вены. В июне 1945-го боец зашел в сад к жительнице городка Штефани Нови и попросил воды. Назвался Михаилом. На следующий день принес хлеба. Романтическое знакомство продолжалось недолго. Осенью Михаил сказал, что его отправляют в госпиталь из-за старой раны. А в апреле 1946-го родилась Элеонора. Отец об этом, конечно, не узнал.

По оценке Института изучения последствий войн имени Людвиг Бальцмана (LBI), летом 1945-го в Австрии находились почти 700 тысяч военном служащих союзных государств, в том числе 400 тысяч красноармейцев. Оккупация продлилась 10 лет. За это время в стране родилось 30 тысяч детей, отцами которых были иностранные военные.

«Эти дети появились на свет в результате любовных отношений, проституции ради выживания, а также после изнасилований. Их считали «детьми врага». Вместе с матерями они подвергались дискриминации и стигматизации.

На протяжении десятилетий тема была окружена молчанием», — говорит директор института Барбара Штельцль-Маркс. По словам исследовательницы, Элеонора Дюпуи и другие «дети оккупации», взявшиеся за поиски информации о своем происхождении, добились того, что эта тема стала предметом обсуждения. Ее изучение представляет не только исторический интерес. Знать о том, как 80 лет назад жилось детям «неправильных» отцов, важно, чтобы помочь малышам,

появившимся на свет после современных военных конфликтов.

Восемьдесят лет спустя

«Каждая война — это обман людей. Политики — где-то там, — затрудняясь подобрать русское слово, Элеонора показывает пальцем вверх. — Сами они не сидят в окопах. Не думают, что люди страдают».

Госпожа Дюпуи — стройная блондинка с идеальной осанкой. Свободный свитер, голубая косынка на шее, нежно-зеленый лак на ногтях. Водя пальцем по экрану смартфона, с улыбкой говорит, что ее поколение предпочитает новости «на бумаге». Кокетничает, разумеется. Выглядит Элеонора лет на двадцать моложе своего возраста.

Элеонора Дюпуи. Фото: Надежда Андреева

Мы сидим на маленькой кухне двухэтажного домика в историческом центре Саратова. Здание из красного кирпича было построено в начале XX века, когда на другом берегу Волги находились немецкие колонии. В 1940-х в нескольких кварталах отсюда работал эвакогоспиталь № 995 ортопедического профиля (всего в Саратовской области находилось 183 эвакогоспиталя, которые приняли 634 300 раненых). Осенью 1945-го на его базе образовали саратовский НИИ ортопедии и восстановительной хирургии. Не исключено, что отец Элеоноры, страдавший от старой раны на голени, находился здесь на лечении по возвращении из Австрии.

От войны до войны

«Всю значительность материнского подвига я начала осознавать только тогда, когда пришлось раз за разом рассказывать свою историю, — пишет госпожа Дюпуи в своей книге «Я найду тебя, отец». — Ужасы войны закончились, была весна, снова хотелось жить. Мама потеряла столько близких, что была рада любой новой надежде, любому человеку, способному поступать по-человечески. Разве важна его национальность? Важна была только человечность. Несмотря на пропаганду, представлявшую другие народы существами хуже зверей, мама доверяла только собственному сердцу и разуму. Ее не заботили ни предрассудки, ни сплетни. За это я особенно горжусь моей мамой».

Штефани Нови пережила две мировые войны. Она рассказывала своим детям, как в 1916-м, стоя в очереди за продуктами, упала в голодный обморок. Восемилетнюю девочку пожалела жена мясника, отвела к себе и накормила. С лекарствами в австрийской глубинке было еще хуже, чем с продовольствием. Несколько недель Штефи умирала от дифтерии. «Жизнь победила. Но мама всегда страдала от осложнений на сердце», — пишет Дюпуи.

Подростшая Штефани, как многие девушки из Санкт-Пёльтена, уехала в Вену (между городами — 60 километров), чтобы стать домработницей. С местом не повезло: хозяева кормили плохо, поселили в комнате без отопления. По ночам Штефи должна была вышивать для господской семьи. Вскоре заболела туберкулезом и вернулась домой.

Тихий католический городок (48 тысяч жителей, восемь столетий со дня основания), как и остальная Австрия, с восторгом встретил аншлюс 1938 года — на референдуме за воссоединение с Германией проголосовало 99,75 процента жителей.

Штефани было не до общественно-политической жизни. Ее брак развалился: когда женщина забеременела, муж нашел другую. За несколько дней до рождения дочки он, катаясь на велосипеде, попал под грузовик. Молодая вдова с крошкой Эрни на руках присоединилась к семейному бизнесу: красила мебель в малярной мастерской отца и вела бухгалтерию.

Австрийцы, одобрявшие возвращение в родную гавань и призывы сделать страну снова великой, были, однако, как отмечает историк Бауэр, разочарованы началом новой войны, ведь еще не забылись тяготы предыдущей.

Братьев Нови призывали в армию. «Мой дядя Эдуард был одним из тех солдат, все равно какой национальности, которые охотно прожили бы жизнь в мирных условиях с женой и детьми», — пишет Дюпуи.

В июне 1944-го в Белоруссии, где находился Эдуард, началось масштабное наступление Красной армии. Немецкая 9-я армия оказалась в «клещах» под Бобруйском. Вырвались из окружения полторы тысячи человек. Эдуард Нови числился пропавшим без вести.

Советские танки в предместьях Вены, апрель 1945 года. Фото: Евгений ХАЛДЕЙ / ТАСС

«У мамы был дар не озлобляться»

Штефани Нови тем временем потеряла работу в городском управлении финансов. Бухгалтер не отдала вовремя фашистское приветствие начальнику и была уволена.

В 1944 году, когда Эрни училась во втором классе, уроки проходили в здании гостиницы, так как школы прицельно бомбили. Как пишет Дюпуи, 1 апреля 1945-го, в день католической Пасхи, 130 самолетов союзников утюжили городок в течение пяти с половиной часов. Штефани и Эрни пешком пошли к родственникам в деревню за десять километров от Санкт-Пельтена. В лесу попали под обстрел. Штефани ранило в руку.

— Осколок остался у мамы вот здесь, — Элеонора показывает на правое плечо. — Кусочек металла можно было нащупать через

кожу.

15 апреля Красная армия взяла Санкт-Пёльтен. По приказу советского коменданта всех мужчин и женщин от 16 до 50 лет мобилизовали на рытье окопов.

В мае, вернувшись домой, Штефани обнаружила, что в ее квартире поселили русских женщин-военнослужащих. Некоторым это помогало выжить: магазины не работали, на черном рынке цены на продукты зашкаливали, а квартиранты в погонах делились с хозяевами своими пайками.

У семьи Нови был дачный участок на реке Трайзен. Из центра города туда можно было дойти за 20 минут. Штефи выращивала смородину, желтую вишню и овощи.

Младшую дочку Штефани родила 20 апреля 1946 года. «Надо же было случиться, чтобы ребенок русского солдата и австрийской женщины родился год спустя после краха рейха и прямо в день рождения диктатора. Да, мама, это у тебя здорово получилось», — напишет Дюпуи 70 лет спустя.

В роддоме Санкт-Пёльтена к незамужним матерям относились как к пациентам второго сорта. «Мама чуть не погибла от потери крови. Врач с сигаретой в зубах появился только после обеда».

По соседству с Нови жил русский офицер с женой. У них была маленькая дочь Лариса. Штефани крестила свою дочку в ее честь, почему-то решив, что немецким аналогом этого имени будет Элеонора.

В 1946 году в Санкт-Пёльтен пришли первые открытки из советских лагерей — военнопленным разрешили переписку. В плену оказался каждый третий австрийский солдат вермахта. Штефани надеялась, что Эдди среди них. Десять лет хранила его одежду. Но, когда летом 1955-го из СССР прибыли последние эшелоны с репатриантами, Эдуарда там не оказалось.

Советские солдаты продвигаются к центру Вены, 1945 год. Фото: imago stock&people

Победители и побежденные

Семья Нови жила на втором этаже старинного дома, построенного 300 лет назад в стиле барокко. На первом этаже размещались советские офицеры. «В три года я пела со старшей сестрой на два голоса и каноном. Офицеры высывались из окна, чтобы нас послушать. Они дарили нам виноград, шоколад, даже передник и салфетки для вышивания», — пишет Дюпуи.

По ее воспоминаниям, Штефани, в отличие от большинства

земляков, почему-то не боялась русских солдат.

«Мы с мамой гуляли даже в окрестных лесах, где, по мнению местных жителей, было особенно опасно. Но ни разу с нами ничего плохого не случилось». Элеонора до сих пор хранит учебник, по которому ее мать учила русский язык.

Как вспоминает Элеонора, два-три раза в год советские военные приглашали горожан на концерты армейских танцевальных коллективов и киновечера, во время которых показывали веселые музыкальные фильмы о работе на фабриках и заводах в СССР. На Рождество в городском спортзале ставили елку и раздавали подарки детям. Это были не игрушки, а одежда и продукты.

Влияние советских властей ощущалось не только в культурной сфере. Эрни, старшая сестра Элеоноры, с 14 лет работала на машиностроительном заводе Voith, принадлежавшем Управлению советским имуществом в Австрии (УСИА). Этой структуре подчинялись почти 300 предприятий в советской оккупационной зоне. На них работали 53 тысячи человек. Работа считалась престижной. На предприятиях УСИА была хорошая зарплата и детские сады — большая редкость для Австрии того времени.

«Он был хорошим человеком»

Осенью 1955 года Австрия получила независимость. Только после того, как советские войска покинули страну, Штефани рассказала Элеоноре, что ее отец был русским солдатом. Мать молчала почти 10 лет, опасаясь, что советские власти захотят

отобрать наполовину русского ребенка.

«В начале лета 1945 года я, как всегда, была в саду. У ограды появились два русских солдата и попросили воды. Эрни было тогда восемь лет. Она стояла рядом и подумала, что должна защитить меня. Но оба солдата были очень дружелюбны. На следующий день один из них опять пришел и принес хлеба. Хлеб был тогда страшным дефицитом. Нужда была повсюду. Солдата звали Михаил. Он немного говорил по-немецки. Он предложил мне помочь в саду. Все время приносил продукты, сколько мог. Он был хорошим человеком» — так Дюпуи передает рассказ матери в своей книге.

Штефани описала возлюбленного как человека среднего роста, с каштановыми волосами и карими глазами. Михаил говорил, что ему 30 лет. Показывал Штефани на карте город Калинин. Женщина считала, что фамилия русского звучит как «Громан» или «Гроссман» — точнее она не разобрала.

В начале осени Михаил зашел попрощаться, сказав, что его срочно отправляют в госпиталь. О беременности Штефани он не узнал.

По словам Элеоноры, у Штефани было несколько тетрадок, в которых она писала о своем детстве и юности, о родителях и братьях, переписывала заинтересовавшие ее статьи из газет и отрывки из книг, сочиняла стихи.

О встрече с отцом Элеоноры она упомянула одной строкой: «Я была легкомысленна и родила ребенка». Но всю жизнь хранила салфетку, в которой Михаил принес ей хлеб.

«На момент встречи с отцом маме было 36 лет. Она была взрослой женщиной и понимала, что он не мог остаться с ней. В отличие от юных девушек, которым расставание с русскими сломало жизнь, для нее это не было катастрофой, — полагает Элеонора. — Но, насколько я могу судить, мама думала, что при других обстоятельствах отец мог бы быть именно тем человеком, рядом с которым она хотела бы провести жизнь».

После разговора с мамой Элеонора (тогда она училась в четвертом классе начальной школы) поглядывала в зеркало, пытаясь понять, видно ли по внешности ее русское происхождение.

«Я не болтала везде, что у меня русский отец, потому что уже знала, что не всем это может понравиться», — пишет Дюпуи в своей книге.

«Ты — дрянь, ничтожество!»

В свидетельстве о рождении у Элеоноры вообще не было графы «отец». Взрослея, девочка с удивлением замечала, что ей никто ни разу не задал вопроса по этому поводу, как будто все всё понимали и негласно договорились не трогать тему.

По действовавшим тогда законам незамужние матери не считались полноправными родителями. Опекунном внебрачных детей становился местный отдел молодежи. Когда Элеоноре исполнилось 14 лет, в семье обсуждался вопрос: искать ли ей работу, или продолжать учиться в старших классах гимназии? Денег на учебу не было. Штефани с дочерью отправилась за советом к государственным опекунам. «Что ты возомнила о себе? Ты — дрянь, ничтожество!» — заорала сотрудница магистрата, услышав, что Элеонора хочет получить образование. Как поняла позже Дюпуи, чиновница из служебных документов знала о ее «неправильном» происхождении. Это и стало причиной неадекватной реакции.

Штефани, всегда робевшая перед представителями властей, не посмела вслух заступиться за дочь. Но зато решила во что бы то ни стало выкроить деньги на то, чтобы Элеонора окончила гимназию.

После окончания гимназии она работала в сберегательной кассе в Санкт-Пёльтене. «Я чуть не заболела от отвращения и поняла, что непременно должна вырваться из канцелярских будней». В 20 лет, как многие австрийские девушки, Элеонора поехала в Лондон работать няней. Выучив английский, устроилась переводчицей в аэропорту Вены. «Каждый день я видела самолеты, улетающие в разные концы мира». Усидеть на одном месте было невозможно, и Элеонора отправилась работать няней в Париж.

Элеонора Дюпуи. Фото: Надежда Андреева

Соседом по квартире в мансарде оказался студент-электротехник Иван. Он был французом, просто русские имена в то время были популярны в Европе. Молодые люди улетели в Австралию, где поженились. К сожалению, брак распался, и Элеонора вернулась в Европу. «В Вене я снова начала работать. Зная языки, нетрудно устроиться на работу даже в пятьдесят».

Найти неизвестного солдата

В 1998 году, глядя белье в своей венской квартире, Элеонора услышала радиопередачу Би-би-си о «детях освобождения» (эта формулировка нравится ей больше, чем «дети оккупации»). В программе говорилось об организации потомков британских, американских и нидерландских солдат, помогающей налаживать утраченные связи. Тогда Элеонора впервые задумалась о поиске отца. Написала в городской совет Санкт-

Пёльтена, в роддом, где появилась на свет, в школу, в государственный архив Австрии, Национальную библиотеку и администрацию кладбищ. Оказалось, что в то время в Австрии не было никакой информации о советских солдатах. Неизвестны были даже номера частей в Санкт-Пёльтене.

Старшая сестра Эрни советовала «перестать копать в прошлом». Взрослые дети Элеоноры тоже не проявили особенного интереса.

«В Австрии молодые люди не интересуются дедушками, которые участвовали во Второй мировой. Это логично. Ведь австрийские фронтовики — не герои, не победители, — говорит Элеонора. — Но как раз дед моих детей был героем. Он сражался за свободу Европы».

Госпожа Дюпуи пошла на курсы русского языка. В 2002-м впервые съездила в Москву. «Вечером я сидела на подоконнике в гостинице «Украина». Слушала шум города. Хотела все впитать и примерить на себя, подходит ли. Подошло», — пишет она в своей книге. Годом позже Элеонора побывала в Твери — предполагаемом родном городе отца.

Дюпуи писала российскому президенту. Обращение, правда, спустили в Минобороны, а оттуда ответили отпиской. Нашла возможность через австрийский МИД передать свою историю тогдашнему министру иностранных дел РФ Игорю Иванову. Направила десятки запросов в Центральный архив Минобороны в Подольске, Военно-медицинский архив в Петербурге, Российский государственный военный архив, где хранятся сведения о бойцах НКВД и «Смерш», и в ФСБ.

Отовсюду пришли ответы о том, что «сведения о Громане, Гроссмане, Кромане, Хромане Михаиле не найдены». В октябре 2023-го, разбирая домашний архив, Элеонора нашла мамину записную книжку с пометкой на оранжевой обложке: «Michail Krowan Kalinin 200 km von Moskau (nordlich)». Поиск по фамилии Крован тоже ничего не дал.

После выступления в программе «Жди меня» к госпоже Дюпуи обращались несколько семей из разных регионов России, полагавшие, что их дедушка мог быть тем самым Михаилом. Но все тесты ДНК оказались отрицательными.

Как объясняет ветеран Великой Отечественной Михаил Эльтеков, освобождавший Белград, Будапешт и Вену, биографические сведения возлюбленного Штефани могут быть выдуманными. «Сам я представлялся девушкам Костиком. Чтобы было, как в песне: и Константин берет гитару», — рассказывал он российскому кинодокументалисту Наталье Спиридоновой, снявшей фильм о поисках Элеоноры.

Фото: Надежда Андреева

«Это было бы как Рождество и все праздники сразу»

Осенью 2011 года передачу о детях солдат оккупационных армий впервые показали по австрийскому телевидению. После этого к Элеоноре стали обращаться другие дочери и сыновья красноармейцев. Сейчас она лично знает 20 человек. У большинства из них родителей связывали романтические отношения. Двое появились на свет в результате изнасилования. По словам Элеоноры, они тоже хотят получить информацию о своих отцах. Найти своих русских отцов смогла только половина знакомых Элеоноре «детей оккупации».

Вера Гансволь до двух лет росла с австрийской матерью и отцом-красноармейцем. Ее мама была несовершеннолетней. Возможно, поэтому командование некоторое время закрывало

глаза. Но затем по распоряжению коменданта отца Веры отправили обратно в Москву. Как рассказала госпожа Гансволь в фильме Спиридоновой, отец еще несколько месяцев присылал письма и подарки. В одной из открыток он указал свой домашний адрес. В 1983 году Вера съездила в Москву, нашла отца и поддерживала отношения до его смерти в 1988-м.

Мать Татьяны Хербст была влюблена в русского офицера Николая. В роддоме акушерка, угрожая отобрать младенца, вынудила ее назвать имя отца. Медики сообщили в комендатуру. На следующий день Николая отправили на родину. Мать Татьяны очень ждала от него весточки, но напрасно.

Из-за нищеты она была вынуждена отдать дочку в приют. Подростая Татьяна разглядывала газетную фотографию Юрия Гагарина и думала: «Так выглядит и мой русский отец». Много лет спустя, благодаря знакомым в советском посольстве, Татьяна нашла адрес Николая в Смоленске и переписывалась с ним до его смерти. В 2012 году при помощи Элеоноры она восстановила контакт с российской сводной сестрой.

Мария Зильберштайн узнала о своем происхождении в 11 лет — соседские девочки не захотели принимать ее в игру и стали дразнить. «Не все русские были плохими», — сказала ей мать. Отец Марии был шофером в комендатуре Бургенланда. «Мать отзывалась о нем с восторгом. До самой смерти надеялась, что он вернется, видела его черты в каждом незнакомце, появлявшемся в деревне», — вспоминает Мария в фильме Наталии Спиридоновой.

Ханни Фасслер знает только, что ее отец был высоким блондином. Он был влюблен в мать Ханни и хотел остаться в Австрии. Пара пряталась в домике путевого обходчика. Красноармейца нашли и куда-то увезли. После родов мать Ханни, взяв фотографию ребенка, пришла туда, где стояла военная часть. Ей сообщили, что солдат расстрелян.

«Если бы я выяснила, кто мой отец, это было бы как Рождество, Пасха и все праздники сразу», — говорит госпожа Фасслер в фильме Спиридоновой.

В фильме Спиридоновой Элеонора рассказывает историю Юргена Шуберта. Его австрийская мать, муж которой считался погибшим на Восточном фронте, родила ребенка от русского. Несколько лет спустя ее муж вернулся из плена. Юргена сдали в католический приют, где детей жестоко избивали.

«Через много десятилетий он захотел узнать о своих корнях. Выяснил, в какой деревне его мать жила в 1945 году. В интернете ему чудом попала групповая фотография советских военных, находившихся там в то же самое время. Один из семи солдат, крайний справа, внешне очень похож на Юргена. Узнать фамилию отца он не успел, умер», — рассказывает Элеонора.

«Нужно еще 50 лет, чтобы отношение к России изменилось»

...С саратовцами Элеонора познакомилась больше десяти лет назад благодаря поискам отца Ирэны Дуффек. Ирэна знала, что

ее папу звали Иваном, до войны он жил в Саратове на улице Мичурина. Элеонора помогла ей направить запрос в государственный архив Саратовской области. Сотрудница архива поняла, что официально должна дать отрицательный ответ, так как указанный дом снесли еще в 1960-х. Но она захотела помочь. Попросила подругу Машу, живущую на той же улице, поговорить со старожилами среди соседей.

«Через два-три дня я по соцсетям нашла потомков этого Ивана, — рассказывает Мария. — Оказалось, он прожил очень насыщенную жизнь. До Австрии успел посидеть в плену в Финляндии. По возвращении в СССР оказался в сталинском лагере. Выжил, вышел на свободу, оставил несколько семей и дожил до 2006 года».

Русские дети Ивана ничего не знали об австрийском романе отца. Общаться с вновь обретенной родственницей не захотели. Но внучка Ивана пошла на контакт, выслала Ирэне фотографии и документы, которые были ей интересны.

Судя по книге госпожи Дюпуи, госпожа Дуффек унаследовала удалой характер русского отца. «С телевизионщиками она говорила на венском диалекте, совсем не стеснясь и не нервничая, как бог на душу положит! Можно было от души посмеяться, слушая эту женщину! Она, несомненно, оригинал!» — описывает Элеонора съемки интервью с Ирэной для австрийского телевидения.

Элеонора Дюпуи. Фото: Надежда Андреева

С тех пор саратовчанка Мария поддерживала связь с Элеонорой и в этом году пригласила в Саратов провести презентацию книги о поисках отца и документального фильма Спиридоновой.

«До 2022 года в Австрии праздновали день окончания войны. Сотни, тысячи людей участвовали в венском митинге «Бессмертного полка». Нас, детей русских отцов, наконец-то признали в австрийском обществе. Но началась эта несчастная ... (госпожа Дюпуи не понимает, что значит «СВО», и называет происходящее по-русски прямо. — Н. А.), и климат в Европе стал антироссийским, — говорит Элеонора с сожалением. — Мы, дети освобождения, знаем, как долго и тяжело изживаются предрассудки и стереотипы. Мы пессимисты. Думаю, лет пятьдесят понадобится, чтобы нынешнее отношение к России в Европе изменилось».

Этот текст вышел в четвертом номере журнала «Новое обозрение». [Купить журнал](#) можно в телеграм-магазине «Для дорогих людей».